

24.05.91

88

Веч. Москва - 1991 - 24 мая
Кафе встреч

В гостях у муз

ВОЛШЕБНИК ИЗ СТРАНЫ МАСТЕРОВ

Его мастерская похожа на филиал Оружейной палаты. Стены украшают древнерусские кольчуги, мечи, шлемы, сделанные его руками. Он — мастер. Нет, не в том расхожем понятии, которое приобрело это слово сейчас, когда мы говорим о мастерах спорта, культуры или машинного доения...

Он — Мастер. Хотя в отличие от булгаковского героя зовут его Сергей Миккульский. Он — профессионал. Правда, вряд ли я смогу перечислить все профессии, которые воедино слиты в этом человеке: художник, модельер (создатель отечественной металлической моды), уникальный оружейник (владеет секретами булата, дамасской стали и композитных материалов), цирковой артист, каскадер и трюкач (кинофильмы «Гойя», «Норона Российской империи»), киноактер (не только сыграл роль индейца в картине «Человек с бульвара Капуцинов», но и сам же изготовил для фильма луки и томагавки)... А еще — он хозяин. Хозяин своего таланта, своих рук, своей судьбы...

— Только не делайте из меня сенсацию, — протестует Сергей. — Мастерами наша земля испокон веков была богата. Я застал времена, когда на каждом производстве были свои «золотые» руки. Стандартизация уничтожила их. Правда, на Западе уже спохватились. Когда-нибудь спохватятся и у нас...

Дело в том, что мастер сочетает и аккумулирует в себе три важных компонента творческой личности — художественное, технологическое и прикладное восприятие окружающего мира. И беда нашей науки в том, что она навесила шоры на глаза специалисту в надежде, что он станет более профессионален в своей области. А в результате произошло лишь расчленение человеческой природной сути. Ведь худож-

ник видит в материале то, что ускользает от глаз технократа, а тот, в свою очередь, — качества, о которых не подозревает прикладник.

— Вот и мы тоже не видим пророка в своем Отечестве, когда говорим о французском мастере — модельере Пако Раббане, как о «неуязвляющем волшебнике и отчаянном выдумщике, который вернул нам старинные доспехи...».

— Когда я занялся супермодой из металла, то не подозревал о французском художнике, соединившем женскую теплоту с холодом стали в середине шестидесятых. Но сейчас без ложной скромности могу сказать, что в металлической моде я обошел французов.

Пако использовал для своих моде-

лей готовые материалы, отводя металлу всего лишь роль ткани. Я же стараюсь смотреть глубже. Ведь ткань — это одна структура, а металл — совершенно иной мир со своими законами, которые необходимо знать, чтобы создавать цельные произведения, а не только декоративные элементы одежды.

И вообще сейчас мы стоим на пороге новой эры металлического ренессанса. Это целые области, где он найдет практическое применение: космос, агрессивные среды, спорт, средства индивидуальной защиты. Это новая индустрия. Или мы ее, как обычно, проморгаем, или она станет нашим будущим.

У меня еще была идея создания Ассоциации военного искусства средневековья. Но по традиции все благие начинания у нас губятся волокитой и проволочками. А ведь любая вещь имеет свое временное рождение. Вообще научно-технический прогресс — это борьба со временем. Поэтому не удивительно, что мы плетемся в хвосте мировой цивилизации.

А вот за последние несколько лет получал заманчивые приглашения из Бельгии, Германии, США, куда мне предлагали выехать вместе с мастер-

ской, чтобы воплотить в жизнь свои идеи. Пытался меня закупить и Голливуд с целью возведения в Диснейленде русского городка. Конечно, я бы мог уехать, что и делают сейчас многие мои соотечественники. Но как я смогу всерьез заниматься русской исторической культурой, не ощущая родной почвы под ногами?

— Но ведь и мы, живя здесь, ее почему-то не ощущаем. Вспомните: «Мы живем, под собою не чуя страны...». Эти строки и сейчас так же актуальны, как и пятьдесят восемь лет назад, когда их написал поэт...

— Знаете, когда я возвращаюсь домой из-за рубежа и по-новому смотрю на свой древний и некогда прекрасный город, превращенный в хлев, то понимаю, что мы стали нацией паразитов на собственном богатстве. Сколько лет мы занимались лишь тем, что сами проедали свое добро и задарма кормили других! И сейчас живем одним днем. Мы отменили плановую систему, а слово «план» превратили в анекдот. Но ведь это же преступление! Жить без планов невозможно. Другое дело, что они должны быть не бессмысленными,

как раньше, а гибкими и мобильными.

Я на своем опыте доказал силу плановой системы, и в результате у меня сейчас только один серьезный конкурент. Это Голливуд. Мой главный принцип: хочешь жить сам — дай жить другим. Только когда в общем деле появляется свое дело у каждого — только в этом случае будет толк.

— Кстати, что-то неладное случилось с нашей страной. Инфляция утопила в человеке душу, разум, стремление к творчеству.

— Инфляция духовности — это следствие, а не причина. Мы пришли в тупик из-за того, что, разрушив гармонию природы, соединившей дух и материю в единое целое, решили слепо идти по дороге материализма. И в результате человек превратился в советского человека, в лоха, в биоробота, в пчелу-трутня, не нужного никому. Это человек в себе, которому что Цхинвали, что Спитак — все едино, на все наплевать. Его ничем не прошибешь. Он не поддается ни воспитанию, ни культуре. Вот мы говорим: мы — интеллигенты, мы — деятели культуры... Бред! Мы — дельцы от культуры!

А нам нужно новое восприятие мира, оно возможно только в единой гармонии и в масштабах всего человечества. Моисей сорок лет водил народ по пустыне, чтобы народилось новое поколение. А мы решили, что, объявив перестройку и назвав себя свободными людьми и

демократами, изменим свою рабскую сущность? Но мы же все равно остались эгоистами, не способными посмотреть дальше себя. Эгоистами, порожденными узким, материалистическим восприятием мира.

А ведь мир един. Он как мозаичное полотно. Стоит удалить одну частицу, одно лишь стеклышко — и гармония исчезнет. Как исчезла она у нас... И все же я верю в ее возвращение...

Я смотрю на двуручный каленый меч, висящий за спиной Сергея, и на память приходят строки из песни Игоря Талькова: «Я когда-нибудь в бой сорвусь, но точно знаю, что вернусь, быть может, через сто веков в страну не дураков, а гениев...». Я тоже знаю, тоже верю... Да вот жаль, что не увижу этого возвращения.

А. ВУЛЫХ.

От редакции. Сейчас Сергей Миккульский — единственный человек в стране, который способен построить в нашем городе русский Диснейленд. Для этого нужно только официальное предложение и решение властей о времени и месте строительства. (Впрочем, оно, кажется, уже принято. И забыто!) Остальное — дело мастера. И это не через пять лет, а уже сегодня.

Михульский С.